

Научная статья
УДК 343.1

**ПРИМИРЕНИЕ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ, КОМПЕНСАЦИЯ:
СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ
ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА**

Нехаев Илья Николаевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел,
Россия

ilya.nexaev.1997@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос совершенствования отечественного законодательства в области возмещения вреда, причинённого преступлением. Анализируется суть и значение дифференцированности механизмов возмещения преступного вреда, приводится авторское определение. Кроме этого, обосновывается необходимость разработки и законодательного закрепления нового механизма, в рамках которого могут осуществляться действия по компенсации вреда. Сделан вывод об отсутствии в отечественной правовой системе механизма, способного гарантированно осуществить возмещение вреда.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возмещение ущерба и заглаживание вреда, причинённого преступлением, примирительные и восстановительные механизмы, защита прав потерпевших.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – начальника кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова кандидата юридических наук, доцента Семенова Е. А.

Для цитирования: Нехаев И. Н. Примирение, восстановление, компенсация: состояние и направления совершенствования механизмов возмещения преступного вреда // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 252–259.

**RECONCILIATION, RESTORATION, COMPENSATION:
THE STATE AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF MECHANISMS
FOR THE COMPENSATION OF CRIMINAL DAMAGE**

Ilya N. Nekhaev

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

ilya.nexaev.1997@gmail.com

Annotation. The article discusses the issue of improving domestic legislation in the field of compensation for harm caused by a crime. The essence and significance of the differentiation of mechanisms for compensation of criminal harm are considered, and the author's definition is given. In addition, it justifies the need to develop and legislate a new mechanism within which actions can be carried out to compensate for harm. As a result, it is concluded that there is no mechanism in the domestic legal system capable of guaranteeing compensation for harm.

Keywords: criminal proceedings, compensation for damage and reparation for harm caused by a crime, reconciliation and rehabilitation mechanisms, protection of victims' rights.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Law, Associate Professor E. A. Semenov

For citation: Nekhaev I. N. Reconciliation, restoration, compensation: the state and directions of Improving the mechanisms of compensation for criminal Harm // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 252–259.

Законодатель и отечественная уголовно-правовая наука совместно с правоприменителями, основываясь на результатах статистических показателей уголовного судопроизводства, одним из важнейших вопросов, поставленных во главу угла, рассматривают возможность совершенствования законодательства в сторону обеспечения правового поля эффективными механизмами возмещения вреда, причинённого преступлением, с целью обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав потерпевших в лице граждан, общества и государства в целом.

Об этом свидетельствуют успешно защищённые диссертации на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук по юридической специальности «Уголовно-правовые науки». Например, Иванов Д. А. в своём исследовании упорядочил и представил в виде системы средства возмещения вреда, причинённого преступлением, в досудебном производстве [1, с. 52]. Тутьнин И. Б. посвятил диссертацию содержанию и сущности отдельных мер процессуального принуждения, в частности наложению ареста на имущество в призме возмещения преступного вреда [2, с. 35]. Подустова О. Л. успешно исследовала обеспечительную деятельность следователя [3, с. 87]. Таршева М. Н. рассматривала примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве в одноимённом исследовании [4, с. 115]. Невозможно оставить без внимания и данные официальной статистики. Согласно сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России¹, ущерб от зарегистрированных преступлений по окончанным и приостановленным делам за 2024 год превысил численный показатель прошлого года и составил 627,9 млрд рублей (за АППГ – 587,6) при общей тенденции снижения преступности на 1,8 %, что составляет 1 911 258 преступлений (за АППГ – 1 947 161). Кроме того, согласно сведениям ФГКУ «ВНИИ МВД России», уровень преступности составил 1307,7 преступлений на субъект Российской Федерации (за АППГ – 1 329,6) [5, с. 26].

В свою очередь, обращая внимание на нормативную составляющую, невозможно не заметить, что в настоящее время уголовный и уголовно-процессуальный законы содержат в себе ряд институтов, которые продифференцированы самим законодателем в плоскости возмещения преступного вреда и представлены в виде действующих механизмов следующим образом:

– институт обстоятельств, смягчающих наказание, представленный п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, предусматривает снижение государственно-карательного потенциала в случае принятия мер к возмещению преступного вреда;

– институт освобождения от уголовной ответственности представлен примирительным механизмом – примирение сторон (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УПК РФ); восстановительными механизмами – назначение судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ ст. 76.2 УК РФ); деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ, ст. 75 УК РФ), возмещение ущерба (ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ); амнистией (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, ст. 84

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=120>. (дата обращения 15.04.2025).

УК РФ) при проявлении конкретным лицом, совершившим преступление, действий, отличающихся позитивным постпреступным поведением; принудительной мерой воспитательного воздействия для лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, выраженной возложением обязанности загладить причинённый вред (ч. 3 ст. 427 и ч. 1 ст. 431 УПК РФ ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 90 и ч. 3 ст. 91 УК РФ) при совершении действий, направленных на восстановление нарушенных прав способом, определённым потерпевшим;

– специальные виды освобождения от уголовной ответственности; к таким видам мы относим составы преступлений, предусмотренные УК РФ, по которым лицо, совершившее объективную сторону преступления, добровольно отказалось от реализации преступного умысла, а кроме этого, способствовало раскрытию или пресечению незаконной деятельности, тем самым минимизировав потенциально возможный к причинению вред. К таким основаниям прекращения уголовного преследования возможно отнести следующие составы преступлений, приведём в пример некоторые из них: ст.ст. 205, 205.1, 206, 208, 210, 222, 228 УК РФ (основания освобождения от уголовной ответственности содержатся в примечаниях к статьям);

– институт освобождения от наказания: условно-досрочное освобождение (далее – УДО) от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) – рассматриваем в данном случае возмещение вреда как обязательное условие УДО, если судом будет признано, что такое лицо не нуждается в дальнейшем отбывании наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) – рассматриваем в данном случае возмещение вреда как обязательное условие замены оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом; в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ) рассматриваем здесь возмещение преступного вреда в полном объёме как повод к изменению обстановки в связи с утратой общественной опасности; помилование (ст. 85 УК РФ) – рассматриваем отсутствие обязанности к возмещению вреда как необходимое основание для возможности подачи ходатайства о помиловании;

– институт судимости, представленный ст. 86 УК РФ, – рассматриваем возмещение вреда от преступления, как и безупречное поведение осуждённого после отбытия наказания в качестве обязательного условия для получения возможности лицом права ходатайствовать о досрочном снятии судимости.

Рассматривая приведённые основания, отметим, что здесь мы имеем возможность проследить самобытность юридической природы каждого из механизмов, являющихся составляющим института возмещения вреда, причинённого преступлением, что, как представляется автору, является главнейшим признаком дифференциации на основании выведенного частного определения. Дифференциация правовых механизмов возмещения вреда – это разделение уголовно-правового воздействия на отдельное, частное, нетождественное по своим качественным и количественным признакам установление принуждения при разных условиях, детерминированных общеправовыми принципами (гуманизма, справедливости, экономии репрессии, издержек и прочее). Мы считаем, что неодинаковое правовое воздействие ознаменовывает существование и появление новых механизмов возмещения преступного вреда, целью которых в независимости от принципа его действия является их объединение общностью одной цели – обеспечить наступление благоприятных материальных и/или имущественных последствий для лица, пострадавшего от преступления.

Схожей точки зрения придерживается и член Президиума Верховного Суда Российской Федерации Момотов В. В., который в одном из своих научных трудов придерживается позиции, согласно которой именно прагматизация права и определяет

возможность экспансии самых удобных и эффективных для достижения надлежащего правового регулирования правовых конструкций [6, с. 22].

Как возможно заметить, в классификацию не включено такое основание освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу и заключением контракта, а кроме этого, в приведённой нами классификации употреблены в названии механизмов такие прилагательные, как «примирительный» и «восстановительный». Рассмотрим каждый из обозначенных аспектов.

Освещая первый из обозначенных аспектов, автор желает заметить, что рассматриваемый механизм действительно отнесён законодателем к институту освобождения от уголовной ответственности. Общеизвестно, что этот механизм был имплементирован в уголовно-процессуальное поле чуть более года назад (ФЗ РФ от 23.03.2024 № 64-ФЗ¹), что продиктовано государственной необходимостью, а в настоящее время он своевременен, приоритетен и востребован. На официальных сайтах субъектов нашей страны легко можно обнаружить информацию о выплатах и социальных гарантиях, полагающихся лицам, заключившим контракт с Вооружёнными силами Российской Федерации, в том числе тем, уголовное дело в отношении которых прекращено на основании ст. 28.2 УПК РФ. Вместе с тем среди имеющихся мер материальной поддержки отсутствуют какие-либо выплаты лицу, пострадавшему в случае совершения в отношении него преступления. Изложенное выше подчёркивает ущемлённое положение потерпевшего по приостановленному уголовному делу в такой ситуации и по такому основанию. Наступление благоприятных для лица обвиняемого / подсудимого / осуждённого последствий в виде приостановленного, а в дальнейшем и прекращённого уголовного дела не поставлено законодателем в зависимость от совершённого им же преступления и возмещения вреда пострадавшему лицу. То есть необходимость восстановления положения потерпевшего и заглаживания причинённого преступлением ущерба не нашла своего отражения в диспозиции ст. 28² УПК РФ. Обязанность восстановления нарушенных общественных отношений не предусматривается и обусловлена искуплением вины перед государством и обществом как превалирующим значением участия в специальной военной операции, в силу чего данный механизм не отнесён автором настоящей статьи к механизмам освобождения от уголовной ответственности, действующим в плоскости возмещения преступного вреда.

Рассуждая о втором из указанных аспектов, отметим о «примирении», а именно: законодатель, неоднократно детально разрабатывавший механизмы примирения в различных отраслях права, например в административном², гражданском³, арбитражном⁴ судопроизводствах, отводя им место в соответствующих кодексах и именуя главы соответствующим образом, оставил без должного внимания такую процедуру, в рамках которой производятся действия направленные на примирение сторон и в связи с этим прекращение уголовного преследования и уголовного дела в рамках УПК РФ, а также понятийный аппарат относительно такого термина и следующего из него понятия. Так, отсутствие или минимальная регламентация, к сожалению, оказывает негативное влияние на защиту интересов, в частности,

¹О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴Арбитражный процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

личности, а в целом – общества и государства. Недостаточность толкования порождает неоднозначность и собственные представления лиц, вовлечённых в процесс расследования, о возможных способах, порядке возмещения преступного вреда, а также о возможных формах заглаживания негативных последствий от преступлений. В связи с этим также считаем важным отметить, что к примирительным механизмам из всех имеющихся в процессуальном законе мы можем отнести только тот, который закреплён ст. 25 УПК РФ, в силу того, что только указанная статья предусматривает наличие заключённого мира и отказ от претензий потерпевшего к подозреваемому относительно совершённого преступления.

С другой стороны, ещё одним фактором, оказывающим негативное влияние на защиту интересов потерпевшей от преступления стороны, является неосведомлённость заинтересованных в исходе уголовного дела лиц о существующих правовых механизмах и о возможностях их применения, предоставляемых законом. Так, граждане, находящиеся в статусе как потерпевшего, так и подозреваемого, часто не имеют достаточной информации о своих правах и возможностях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Вероятность того, что они осведомлены о наличии института примирения или возможности прекращения уголовного дела, крайне мала. Это приводит к тому, что лица, вовлечённые в уголовный процесс, не могут воспользоваться предоставленными им правами, что, в свою очередь, затрудняет достижение справедливости и эффективности в разрешении уголовного дела и вопроса об уголовном преследовании.

Кроме этого, на представителей органов расследования не возложена процессуальным законом обязанность разъяснять участникам процесса их права, находящиеся за рамками статей, регламентирующих их процессуальный статус или обязанности, относительно следственных действий. В итоге лица остаются неосведомлёнными о своих «процессуальных возможностях». Действующий уголовно-процессуальный кодекс не закрепляет прямого указания на то, что дознаватель, следователь или прокурор обязаны информировать участника судопроизводства (потерпевшего/подозреваемого) о возможности подачи ходатайства о прекращении уголовного дела. Это создаёт правовую неопределённость и приводит к тому, что участники процесса не могут должным образом реализовать свои права.

В этой связи следует согласиться с Маркеловым А. Г., который считает, что «УПК РФ не содержит и прямого указания на наличие права у подозреваемого в заявлении ходатайства о прекращении уголовного дела, а как следствие, у органа расследования отсутствует обязанность разъяснения порядка его реализации» [7, с. 84]. Отсутствие такой обязанности у органов расследования является серьёзным недостатком. В результате ни потерпевший, ни обвиняемый не понимают, какие существуют законные способы освобождения от ответственности. Они не могут сформулировать своё волеизъявление и не разграничивают требования закона от правовых последствий, которые могут возникнуть в результате того или иного исхода уголовного дела.

Рассуждая о «восстановительных» механизмах, считаем необходимым заметить, что законодателем при их применении не поставлена в зависимость необходимость достижения примирительного результата, однако сама процедура действия механизма имеет вектор, устремлённый главным образом на возмещение преступного вреда, его заглаживание. Поэтому согласно направленности таких механизмов именно на восстановление нарушенных в результате преступного деяния прав потерпевшего, а также законных интересов личности, общества и государства выбор такого названия логичен. Так, при рассмотрении восстановительных механизмов возможно убедиться, что их функционирование допустимо при наличии незыблемых для каждого

составляющих: установленного факта совершённого преступления; установленного субъекта его совершившего; субъекта, которому причинён преступлением вред (физическое / юридическое лицо, общество, государство). Однако существует и ряд существенных недостатков, которые делают возмещение ущерба потерпевшему невыполнимым:

1. Невозможность удовлетворения требований потерпевших в случае, если лицо, подлежащее уголовной ответственности, не установлено.
2. Неплатёжеспособность и/или нетрудоспособность причинителя вреда, что исключает возможность возмещения даже при установлении лица и его вины.
3. Нахождение подозреваемого (обвиняемого) за пределами территории Российской Федерации (если он находится в розыске).
4. Смерть потерпевшего и отсутствие у него наследников.
5. Смерть подозреваемого (обвиняемого) лица в отсутствие у него имущества, подлежащего обращению в пользу государства или потерпевшего.

С другой стороны, за потерпевшим, конечно, предусмотрена возможность заявить гражданский иск, но мы считаем, что недостаточность гражданско-правового регулирования возмещения вреда приводит к низкой её эффективности. Согласно официальным сведениям Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, за 2023 календарный год заявлено 112 910 гражданских исков в уголовном процессе по различным требованиям. Из них 70 343 иска удовлетворено полностью, а 19 918 – частично. Общая сумма к возмещению от удовлетворённых исков составила 80 714 541 950 рублей (80+ млрд). Если учесть, что, согласно исполнительным документам, от указанной суммы взыскания в течение того же года уплачено в пользу истцов хотя бы 50 % в денежном эквиваленте (что составляет 40 357 270 975), то возможным представляется заключить, что сумма компенсации (возмещения) от гражданского иска в призме общего ущерба от преступлений не является значимой.

При сложившейся ситуации мы считаем, что следующим шагом на пути развития механизмов возмещения вреда может стать компенсационный фонд для потерпевших от преступлений любой категории и степени тяжести, который будет функционировать вне зависимости от бюджетной системы Российской Федерации и наполняться из следующих источников, например: 1) от штрафных санкций, возложенных на осуждённых, в виде основного наказания. 2) от доходов от реализации арестованного имущества, обращённого в доход государства; 3) от залогов, обращённых в доход государства по судебному решению; 4) от штрафных санкций, возложенных на подозреваемых/обвиняемых при освобождении от уголовной ответственности. Рациональность такого механизма к тому же в настоящее время апробирована и действенна. Подтверждением тому служит, например, осуществление за счёт государства возмещения преступного вреда, причинённого ограниченному кругу лиц, – гражданам, которые пострадали в результате совершённого террористического акта, что урегулировано соответствующим федеральным законом².

Подводя итог, считаем уместной позицию, которой придерживается Кобец П. Н.: «Современный мир требует от экономически развитых стран не только защиты от преступлений, но и создания действенной системы поддержки для тех, кто стал их жертвой» [8, с. 805]. Так, на основании краткого анализа отечественной правовой системы можно заключить, что в настоящее время в уголовном процессе Российской Федерации не существует механизма, истинно гарантирующего

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения 15.04.2025).

² О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

восстановление нарушенных прав отдельной личности, являющейся потерпевшей от совершения в отношении неё преступления. Мы считаем, что гарантией восстановления прав потерпевших является выплата компенсаций, осуществляемая государством либо иными организациями, заинтересованными в восстановлении таких прав.

1. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2018. 497 с.
2. Тутьнин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2023. 427 с.
3. Ендольцева А. В., Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: монография. М., 2021. 141 с.
4. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 214 с.
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития : Аналитический обзор / М. В. Гончарова, Р. В. Черкесов, Е.М. Тимошина [и др.]. М.: ВНИИ МВД РОССИИ, 2025. 85 с.
6. Момотов В. В. Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе // Журнал российского права. 2019. № 1(265). С. 19–25.
7. Маркелов А. Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 83–88.
8. Кобец П. Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 800–813.

1. Ivanov D.A. Dosudebny`j poryadok vozmeshheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: teoreticheskie i pravovy`e osnovy`, problemy` pravoprimereniya: dis. ... d-ra. yurid. nauk. M., 2018. 497 s.
2. Tuty`nin I.B. Processual`noe prinuzhdenie imushhestvennogo karaktera v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ...d-ra. yurid. nauk. M., 2023. 427 s.
3. Endol`ceva A.V., Podustova O.L. Obespechenie v xode predvaritel`nogo sledstviya vozmeshheniya poterpevshemu vreda, prichinennogo prestupleniem: monografiya. M., 2021. 141 s.
4. Tarsheva M.N. Primiritel`ny`e i vosstanovitel`ny`e procedury` v dosudebno`m proizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. M, 2022. 214 s.
5. Kompleksny`j analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii po itogam 2024 goda i ozhidaemy`e tendencii ee razvitiya : Analiticheskij obzor / M. V. Goncharova, R. V. Cherkesov, E.M. Timoshina [i dr.]. M.: VNIИ MVD ROSSII, 2025. 85 s.
6. Momotov V. V. E`konomicheskaya i pravovaya cennost` dogovora v sudebno`m processe // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 1(265). S. 19–25.
7. Markelov A. G. O kompromisse pri prekrashhenii ugolovnogo dela ili ugolovnogo presledovaniya v svyazi s naznacheniem mery` ugolovno-pravogo karaktera v vide sudebnogo shtrafa // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 83–88.
8. Kobecz P. N. Genezis instituta vozmeshheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: ot karatel`ny`x mer k stimuliruyushhim // Aktual`ny`e problemy` e`konomiki i prava. 2020. T. 14, № 4. S. 800–813.

Информация об авторе

Илья Николаевич Нехаев. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Ilya N. Nekhaev. Adjunct.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 05.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.